

Сказка вторая о Иване-царевиче

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король и имел у себя одного сына и трех дочерей, и как уже король был в старых летах, то в один день призвал к себе всех детей, потом говорил Ивану-царевичу: «Любезнейший мой сын! Я чувствую, что скоро принужден буду вас оставить, то вручаю тебе правление сего государства, также и сестер твоих, а моих дочерей; наблюдай их и будь им вместо меня, а по возрасту их отдай в замужество за достойных женихов». Иван-царевич, услыша сие от отца своего, стал неутешно плакать; после чего король в скором времени умер, а Иван-царевич отправил сию печальную церемонию весьма великолепно, а после начал править государством.

И как уже долгое время жил благополучно, то в один день сестры его стали просить Ивана-царевича, чтоб пошел с ними в сад погулять. Иван-царевич, любя своих сестер, согласился на их просьбу и пошел с ними в сад. И как пришли, то и гуляли по аллеям и по перспективным дорогам. Как вдруг восстал великий ветер и небо помрачилось от нахождения превеличайшей тучи, потом пошел сильный дождь. Иван-царевич в то время с своими сестрами возвращался из саду во дворец, почему, видя такую непогоду, поспешил скорее, и как вошел в покои и лишь вступили в залу, как в ту ж минуту сорвало крышку с того зала. Потом увидел Иван-царевич и с сестрами влетевшего в залу превеличайшего орла, который, летавши в зале долгое время, наконец ударился об пол, сделался из орла прекрасным мужчиною, а как Иван-царевич и сестры его стояли в великом изумлении, то он, подошед к царевичу, говорил: «Милостивый государь мой, Иван-царевич, красота вашей большой сестрицы привела меня в ваше государство, почему и прошу вас, чтоб вы отдали ее мне в замужество, а я со своей стороны уверяю, что вы после узнаете, кто я таков, и не будете раскаиваться, что выдадите за меня вашу сестрицу». Иван-царевич отвечал, что он еще не мог оплакать своего родителя, как принужден будет проливать слезы о своей сестре, но, будучи убежден его просьбою и притом уверяем, что сие замужество для сестры его весьма выгодно, наконец согласился. И как скоро Иван-царевич объявил ему свое согласие, то сей незнакомый, превратясь опять в орла и подхватя свою невесту, в ту ж минуту полетел с нею из государства.

Иван-царевич, оплакав свою сестру, жил целый месяц благополучно; как в один день опять стали просить сестры его, чтоб пошел с ними в сад. Царевич склонился на их просьбу, и как пришли в сад, то гуляли довольное время,

потом пошли обратно во дворец. Как вдруг восстал великий ветер и нашла превеликая туча, потом пошел сильный дождь. Иван-царевич, поспешая идти от такой непогоды во дворец, взошел в покои, и как скоро вступил с сестрами своими в залу, то увидел, что крышку с одного зала сорвало, а после того увидели влетающего ворона, который, долгое время летая по зале, наконец ударился об пол и превратился в молодого мужчину. Но как Иван-царевич и с сестрами своими стоял в великом изумлении, то он, подошед к царевичу, сказал: «Милостивый государь, красота средней вашей сестрицы привела меня в ваше государство, почему и прошу вас, Иван-царевич, чтоб вы отдали ее мне в замужество, а притом уверяю вас, что вы, когда узнаете, кто я таков, и не будете раскаиваться». Царевич говорил ему, что он недавно отдал свою сестру замуж, за кого и сам не знает, то еще и о той неизвестен, где она находится, как принужден будет, лишиться и другой. Но, убежден будучи от сего незнакомого неотступными просьбами, а притом уверяем от него, что сие замужество весьма выгодно будет для его сестры, наконец Иван-царевич согласился. И как скоро объявил ему свое согласие, то сей незнакомый, подхватя свою невесту и превратясь опять в ворона, полетел из государства, а царевич остался во дворце и с меньшею сестрою проливать слезы.

После чего жили несколько времени благополучно, и по прошествии нескольких месяцев сестра Ивана-царевича просила его, чтоб вместе с нею пошел в сад. Царевич, любя свою сестру, согласился на ее просьбу, и пошел с нею в сад, где гуляли довольное время. Потом пошли опять во дворец. Как вдруг сделался великий ветер и нашла великая туча, потом пошел сильный дождь. Царевич, видя такую непогоду, поспешая с сестрою своею в покои скоро, вступил в зал, то в ту ж минуту сорвало с той залы крышку и увидели влетающего сокола, который, летая долгое время по зале, наконец ударился об пол и превратился в молодого мужчину. А как царевич и с сестрою своею стоял в изумлении, то сей незнакомый, подошед к царевичу, говорил: «Милостивый государь, Иван-царевич, красота вашей сестрицы привела меня в ваше государство, почему и прошу вас, чтобы вы отдали за меня ее в замужество». Царевич говорил ему, что он уже двух сестер лишился, о которых не имеет никакого известия, на что незнакомый царевичу отвечал, что сестры его живут благополучно, притом просил его неотступными просьбами, чтоб в требовании его сестры ему не отказал. Царевич, убежден будучи его просьбою, наконец согласился, и как скоро незнакомый услышал, что царевич согласен, то, превратясь опять в сокола и подхватя свою невесту, полетел с ней из государства и оставил царевича проливать слезы о своих сестрах.

После сего Иван-царевич жил в своем государстве несколько месяцев, но безызвестность о сестрах своих столь его тревожила, что принял твердое намерение ехать и осведомиться о них. В том намерении призвал всех своих министров, и, выбрав из них одного, поручил ему правление государства, и приказал всем министрам его почитать. Потом приказал привести себе доброго коня, и как привели, то клал на него седельчко черкасское, подпружечку бухарскую, двенадцать подпруг с подпругами шелку шемаханского; шелк не рвется, булат не трется, яровитское золото на грязи не ржавеет. И как оседлал своего доброго коня, то приказал подать себе копье булатное, палицу боевую и меч-кладенец. И как все было принесено, то сел Иван-царевич на своего коня, бил коня по крутым бедрам, пробивал черное мясо до белых костей. Конь осержался, от земли отделялся, подымался выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, доли и горы меж ног пропускал, а маленькие речки хвостом застилал, и ехал путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал в чистое поле, в широкое раздолье, в котором увидел множество побитого войска. Иван-царевич, желая знать, кто побил столько войска, въехал в средину сих трупов, вскричал громким голосом: «Кто это войско побил?» После чего увидел Иван-царевич, что весьма израненный человек, приподнявши голову, сказал ему: «Милостивый государь! Это войско побил Марья Маревна, Кипрская королевна». Иван-царевич удивился, когда услышал, что побил женщина оное войско, то спросил одного раненого, куда она поехала. И как указал он царевичу дорогу, то немедля Иван-царевич и поехал.

И, ехавши долгое время, увидел побитого войска еще больше. Иван-царевич, желая знать, кто побил это войско, въехал в средину тех трупов, вскричал громким голосом: «Кто это войско побил?» Тогда один весьма раненый, находясь промежду тех трупов, приподнявшись, ему сказал, что это войско побил Марья Маревна, Кипрская королевна. Иван-царевич еще и более удивился ее силе и храбрости. Потом спрашивал царевич, куда она поехала; и как раненый указал царевичу дорогу, то немедля Иван-царевич и поехал; и, ехавши долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец приехал в чистое поле, в широкое раздолье, где увидел премножество побитого войска. Иван-царевич желал знать, кто это войско побил, но как узнал, что это войско Марья Маревна, Кипрская королевна побил, то поехал немедленно, побуждаем будучи любопытством видеть Марию Маревну, Кипрскую королевну. И, ехавши три дни, а на четвертый день увидел впереди себя раскинутую палатку, то Иван-царевич, подъехав к палатке, слез с своего коня и привязал его, а сам, взошед в палатку, увидел сидящего молодого и

прекрасного богатыря. Марья Маревна (ибо это она была) приняла Ивана-царевича весьма учтиво, потом спрашивала царевича, куда он имеет намерение ехать и которого он государства? Иван-царевич рассказал ей о себе, и как упомянул свое имя, то Марья Маревна прервала его речь и сказала: «Ах! Иван-царевич, я наслышалась о вашей храбрости, почему и хотела ехать к вам в государство, а как теперь я вижу вас в моей палатке, и ежели не противно будет вам взять меня в замужество и быть Кипрским королем». Иван-царевич, видя Марью Маревну пред собой лицом весьма прекрасну, с радостью согласился; после чего Марья Маревна собрала свою палатку, потом сели на своих добрых коней, поехали в Кипрское государство, где и встретили Ивана-царевича все министры. И как приехали в город и взошли во дворец, то Марья Маревна на другой день приказала делать приготовления к свадьбе, и сделали сию свадьбу весьма великолепно. Потом Иван-царевич сделал великий пир, на котором были все министры, а для простого народа велел выставить с разными напитками великие чаны, после чего жили благополучно.

В один день Марья Маревна говорила Ивану-царевичу, что она намерена ехать к Колхидскому королю, биться с его армиею, притом сказала ему: «Любезный супруг, Иван-царевич! Ежели сил моих не будет биться с ним, то я препоручу вам, а теперь прошу меня уволить». Иван-царевич ее отпустил, а Марья Маревна ему сказала: «Пойдем, любезный супруг, я тебе покажу, в которую комнату тебе не ходить». Иван-царевич пошел с нею к той комнате и увидел, что двери у нее были без всякого украшения, почему Иван-царевич уверял ее, что он не пойдет в эту комнату, после чего Марья-царевна поехала, препоручив Ивану-царевичу все государство. После ее отъезда царевич в один день пошел по всем комнатам гулять и, как прошедши все комнаты, дошел до той, в которую ему не велела входить Марья-царевна, то Иван-царевич остановился и думал сам себе: «Когда мне поручено все государство, почему ж запретила она входить мне в эту комнату?» Потом любопытствовал, что в этой комнате есть, а как ключ был у него, то Иван-царевич отпер дверь и взошел в комнату, где увидел прикованного к стене четырьмя цепями престрашного змея. Царевич, как скоро увидел змея, то хотел возвратиться назад, но змей говорил ему: «Иван-царевич, дай мне стакан зелена вина, а я тебе дам другой век жить». Царевич, услыша сие, подумал сам себе: «Ежели с такой красавицей, как Марья Маревна, два века жить, то как весело буду я препровождать жизнь свою». Почему царевич немедля пошел и принес ему стакан зелена вина. И как скоро змей выпил, и после сказал царевичу, чтоб он отнес стакан обратно. Царевич понес стакан, а змей сорвался с цепей и полетел из государства. Царевич отнес стакан, а потом пошел гулять в сад и

совсем забыл запереть ту комнату, в которой был змей, а как гулявши довольно в саду, возвратился во дворец, то на другой день стали съезжаться все министры во дворец и все в черном платье. И как царевич увидел их, то спросил: для чего они оделись в черное платье? На что министры отвечали: «Милостивый государь, наш, Иван-царевич! Мы печалимся о том, что вы потеряли свою супругу, а нашу королевну». Иван-царевич спросил их: «Почему?» То министры сказали царевичу, что змей, которого он выпустил, есть Еракский король и влюблен был в Марью Маревну уже несколько лет, а как он теперь свободен, то уже и Марья Маревна, конечно, у Еракского короля в государстве.

Иван-царевич как скоро выслушал от своих министров, то приказал привести себе доброго коня, и как привели, то клал на него седелечко черкасское, подпружечку бухарскую, двенадцать подпруг с подпругами шелку шемаханского; шелк не рвется, булат не трется, яровитское золото на грязи не ржавеет и на огне не горит. Потом Иван-царевич сажился на доброго коня, бил коня по крутым бедрам, пробивал черное мясо до белых костей; конь осержался, от земли отделялся, подымался выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, горы и доли меж ног пускал, маленькие речки хвостом застилал, и ехал путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец увидел впереди себя город, то как царевич не знал, где то Еракское государство, в котором находится любезная его Марья Маревна, то и принял намерение заезжать во всякий город: почему и поехал прямо во дворец, и как скоро приехал во дворец, где увидел стоящую на крыльце большую свою сестру и встречающую его. Царевич слез с своего коня, ни к чему его не привязывает и никому не приказывает, пошел во дворец и стал целоваться с своей сестрою. Потом увидел перед окнами дворца посажены двенадцать превеличайших дубов, то говорил своей сестре: «Любезнейшая сестрица! Для чего посажены сии дубы?» То царевна говорила: «Это для того посажены, что когда мой муж, орел, прилетает в свое государство, то прежде садится на те двенадцать дубов, а потом превращается в человека и входит во дворец». Вскоре после сих слов сделался великий ветер и нашла превеличайшая туча, потом пошел сильный дождь, и вдруг увидели превеличайшего орла, который сел на те двенадцать дубов. Иван-царевич заметил, что дубы от часу были ниже, и как уже ушли по самые макушки в землю, то орел ударился о землю и сделался мужчиною, в котором узнал царевич своего зятя. И как скоро взошел во дворец и увидел Ивана-царевича, то весьма обрадовался, и начали целоваться, потом зять его спрашивал, куда он намерен ехать? Иван-царевич сказал, что он желает видеть и тех двух своих сестер. Зять его обещал туда проводить, где находятся

его сестры, а после рассказал ему Иван-царевич, как он лишился своей Марьи Маревны и что едет ее искать. Зять его говорил царевичу, чтоб он не ездил, потому что Еракский король имеет у себя такого коня, что всякого победит, но Иван-царевич положил или умереть, или возвратить свою Марью Маревну, только просил царевич своего зятя, чтоб проводил его к тем двум сестрам. Зять его превратился опять в орла, а Иван-царевич сел на своего доброго коня и простился с своею сестрою, поехали из дворца.

И как ехавши долгое время, наконец увидели впереди себя такой же город, и как приехали прямо во дворец, то встретила его другая сестра и повела в покои. Царевич весьма обрадовался, увидев сестру свою, и притом еще и благополучну. Потом увидел Иван-царевич перед окнами дворца двенадцать дубов, спрашивал о них у своей сестры, на что она сказала: «Любезный братец, Иван-царевич! Когда мой муж прилетает в свое государство, то прежде садится на сих дубах, а потом уже превращается в человека и входит во дворец». Вскоре после того сделался великий ветер и нашла великая туча, потом пошел сильный дождь, и вдруг увидели прилетевшего ворона, который сел на те двенадцать дубов, и дубы стали уходить в землю, и как уже ушли по самые верхушки, то ворон ударился о землю и превратился в мужчину, в котором узнал Иван-царевич своего зятя. И как взошел во дворец и увидел Ивана-царевича, обнял его с великою радостью, потом спрашивал его, куда он намерен ехать? Иван-царевич сказал ему, что желает видиться с последнею сестрою, а после искать свою Марью Маревну. То и этот стал его уговаривать, чтоб он не ездил к Еракскому королю и уверял, что непременно убьет его, но Иван-царевич, не слушая их, положил твердое намерение ехать. Потом просил своих зятев, чтоб уведомили его, где живет третья сестра. Зятя его обещали проводить к ней, после чего оба царевичева зятя, превратясь один в орла, а другой в ворона; Иван же царевич сел на своего доброго коня и простился с своею сестрою, поехал с ними.

И как ехавши долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехали к тому городу, в котором жил третий зять Ивана-царевича. И как приехали прямо во дворец, то встретила его сестра с великою радостью и повела Ивана-царевича в покои. И перед окнами дворца увидел те ж двенадцать дубов, но царевич не спрашивал, ибо знал уже, на что они посажены. Вскоре после их приезде сделался великий ветер и небо померкло от нахождения превеличайшей тучи, потом пошел сильный дождь, и вдруг увидели прилетающего сокола, который сел на двенадцать дубов, и как те дубы ушли в землю по самые верхушки, то сокол ударился о землю, сделался прекрасным мужчиною, и царевич узнал своего зятя. А как взошел во дворец и увидел Ивана-царевича, то с великою радостью

его обнял, потом стал царевича спрашивать, куда он едет? И как Иван-царевич сказал, что едет искать свою Марью Маревну, то все три его зятя стали просить царевича, чтоб он не ездил к Еракскому королю, но Иван-царевич положил твердое намерение, что или лишиться жизни, или возвратить свою Марью Маревну. Зятя его, видя, что Иван-царевич не склоняется на их просьбу, просили его, чтоб он оставил им такие вещи, по которым бы можно было узнать, где он будет находиться, что и сделал Иван-царевич по их просьбе, и дал одному табакерку, а другому часы, а третьему перстень и сказал им: «Ежели вы, любезные зятя, захотите узнать обо мне, то посмотрите всякий в подаренную от меня вещь, в коих и увидите, где я буду находиться, в счастии или в несчастии».

После чего вышел из дворца и сел на своего доброго коня, бил коня по крутым бедрам, пробивал черное мясо до белых костей; конь осержался, от земли отделялся, подымался выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, горы и доли меж ног пускал, а маленькие речки хвостом застилал, и ехал путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал к Еракскому государству и увидел, что ворота городские заперты, но как узнал, что самого короля нет, то дождался, когда отперли ворота. Иван-царевич поехал прямо во дворец, где увидела его из окошек Марья Маревна и с великою радостью выбежала к нему навстречу. Иван-царевич слез с своего коня и пошел во дворец. Потом стал спрашивать, где король Еракский, на что она отвечала ему: «Любезный супруг, Иван-царевич! Король Еракский поехал биться с Бабой-Ягой на поединок, он приезжает в год только на три дня, а по прошествии трех дней уезжает опять на целый год». Иван-царевич сказал ей: «Когда нет короля Еракского, то поедем мы в наше государство». Марья Маревна с великою радостью приказала подвести лучшего иноходца и поехала с Иваном-царевичем.

И как ехали долгое время, то после их отъезда прошло несколько месяцев, как приехал король Еракский в свое государство и спросил, где Марья Маревна, Кипрская королевна? И министры сказали: «Милостивый наш государь! Марью Маревну увез Иван-царевич, тому уже несколько месяцев, как они уехали». Король, услыша сие, сказал: «Подите на конюшню к моему коню и спросите его, скоро ли надобно в погоню ехать?» Посланные пришли на конюшню и спрашивали его, то конь им отвечал: «Скажите королю, чтоб приказал пашню спяхать, да хлеба посеять, и как хлеб поспеет, то обмолотить да и пива наварить, и когда пиво то выпьют, тогда Ивана-царевича поедем догонять». Потом пришли министры к королю и пересказали все, что им конь говорил. И как король выслушал от них, то приказал, чтоб все это исполнить.

И когда пиво то выпили, в то время король приказал оседлать своего коня и поехал за Иваном-царевичем в погоню, и догнав его, сказал король: «Слушай, Иван-царевич, вот тебе тот век, который я тебе обещал». Потом отняв у него Марью Маревну, и сказал царевичу: «Ежели ты приедешь впредь за нею, то я тебя в мелкие части изрублю». После того поехал король Еракский обратно в свое государство, а царевич остался на том месте и проливал слезы.

Потом вздумал еще в другой раз ехать за ней в Еракское государство, и дал отдохнуть своему коню, поехал опять к Еракскому королю, и ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал к Еракскому государству и узнал, что король из государства уехал. Иван-царевич приехал прямо во дворец, а Марья Маревна как скоро увидела его, то выбежала к нему навстречу. Иван-царевич слез с своего коня, пошел с ней в покои и стал спрашивать, давно ли уехал Еракский король? Марья Маревна сказала ему, что третий день как он уехал. После чего Иван-царевич просил ее, чтоб поехала с ним. Марья Маревна сказала: «Я с охотой, Иван-царевич, согласна с тобою ехать, только жалею о тебе, что как король Еракский нас догонит, то уже, верно, тебя изрубит». Однако царевич упросил ее, чтоб она поехала с ним. Спустя после их отъезда несколько месяцев приехал король Еракский и спросил министров, где Марья Маревна? И министры ему сказали, что увез ее Иван-царевич. И как скоро услышал король, то сказал министрам, чтоб сходили к его конюшне и спросили бы, как скоро надобно ехать в погоню за Иваном-царевичем. Посланные пришли на конюшню, спрашивали у него, скоро ли надобно ехать за Иваном-царевичем в погоню? На что конь сказал, чтоб приказал король пашню спяхать и хлеба посеять, и как хлеб поспеет, то чтоб обмолотить да и пива наварить, и когда пиво то выпьют, в то время поедем догонять Ивана-царевича. Посланные пришли к королю и пересказали все, что им конь сказывал. И как услышал король от своих министров, то приказал исполнить. И после того, как пиво сварили и выпили, то Еракский король оседлал своего коня и поехал за Иваном-царевичем в погоню, и как нагнал, то, выхватя свой меч, изрубил его на мелкие части и с конем, а после, положив Еракский король нарубленного Ивана-царевича в бочку, на которую набил железные обручи, и, засмолив ее, пустил в море, а сам поехал обратно в свое государство и взял с собой Марью Маревну.

Уже прошло несколько времени, как Иван-царевич лежал изрубленный в бочке и плавал по морю. Потом зятья его вспомнили о Иване-царевиче и всякий, посмотрев в свою вещь, увидели, что его нет в живых, почему, слетевшись вместе, согласились его искать. Однако они по своему искусству знали, где была та бочка, в которой лежал Иван-царевич, то и слетелись, и

думали, каким образом достать из моря ту бочку. Однако они по своему искусству сделали ветер, и море взволновалось, и как орел был силен, то ударил своими крыльями и, ухватя бочку, вытащил на берег. После сего думали они, каким образом ее разбить. Тогда сокол, подхватя бочку, полетел с нею под облака и, налетев на превеличайший камень, пустил ее сверху, то бочка, как ударилась о камень, и расшиблась в мелкие части. А ворон полетел за тридевять земель в тридесятое царство, в Подсолнечное государство за живой водой и мертвой, с которою и прилетел вскоре, и принес живую воду и мертвую, и начали они складывать изрубленное тело Ивана-царевича, и как собрали все части, то sprysнули мертвою водою, и все тело срослось, потом sprysнули живую водою, то Иван-царевич встал, как от сна пробудился, и говорил им: «Ах, любезные зятя! Как долго я спал!» На что они ему отвечали: «Да, ежели бы не мы, то бы спать тебе было вечно». Потом рассказали ему, что они с ним делали. Иван-царевич, отблагодаря их, потом сказал, что он опять намерен к Еракскому королю ехать за Марьей Маревной, на что зятя ему сказали, что «мы ехать не запрещаем, только ты ее не увози, а попроси, чтоб она спросила у короля, где он такого коня достал и каким образом». Выслушав от них, Иван-царевич простился с ними и пошел в Еракское государство пешком, потому что коня у него не было, а пришедши в некоторый городок, купил себе лошадь и поехал.

И, ехавши долгое время, наконец приехал в Еракское государство, и узнавши, что короля Еракского нет, то поехал во дворец. И как скоро Марья Маревна увидела его, то выбежала с великою радостью к нему навстречу. Иван-царевич слез с своего коня и пошел в покои, где Марья Маревна стала спрашивать, каким образом он ожил. Иван-царевич сказал ей, что он за это должен благодарить своих зятев. Потом рассказал ей, зачем он приехал; Марья Маревна сказала ему, что «Еракский король будет через три дни в государство, потому что уже год как он уехал, а по приезде его я как-нибудь выпрошу». И как три дни прошло, то Марья Маревна спрятала Ивана-царевича в отдаленные комнаты, о которых король и совсем не знал. После чего вскоре Еракский король приехал; тогда Марья Маревна встретила его с притворною радостью. И по приезде своем сделал он великий пир, на который звал всех своих министров, и как за столом довольно подвеселилися, то, встав из-за стола, говорил Марье Маревне, чтобы просила она, чего хотела. Марья Маревна, получивши такую для себя радость, вставши, говорила королю: «Милостивый государь! Когда вы обещаете все, чего я ни попрошу, то пожалуйста скажите, где вы такого драгоценного коня взяли и каким образом его доставали?» Король не хотел ей о сем сказать, но как дал слово, что все исполнит, чего ни потребует, то говорил, что конь тот стоит ему дорого,

потому что он у Бабы-Яги за него пас сам табун лошадей три дни; притом сказал, что «без щита и платка моего никак нельзя дойти до ее жилища». И как скоро Марья Маревна сие выслушала, то, как день прошел, а ночь настала, она взяли щит и призвала мастера, которому приказала, чтобы точно такой же сделал щит, и чтоб был готов к утрему, также и платок велела принести точно такой же, какой был у Еракского короля. И как щит принесли, то она, переменя щит и платок, отдала Ивану-царевичу, а король после трех дней поехал из государства, а Иван-царевич после его стал выбирать коня, и не выбрал по себе, пошел пешком.

И шел он, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец пришел в превеликий лес, и как он шел несколько дней не евши, есть ему очень хотелось. И в один день взглянул он нечаянно на одно дерево, на котором увидел улей со пчелами, то Иван-царевич, не зная, что с голоду делать, вздумал разломать тот улей и хотя медом несколько утолить свой голод. Но как скоро влез на дерево, то и выползла из улья матка, которая ему говорила, чтоб он не трогал ее улья, а поел бы хотя гнилого дерева, потому что она ему некогда будет надобна. Иван-царевич слез с дерева и пошел далее в путь свой, а улей со пчелами не трогал. И как вышел из лесу, то пошел через великие горы, и как шел он несколько времени, то увидел впереди себя престрашную медведицу, но как был при нем меч, то Иван-царевич хотел ее изрубить и утолить свой голод. Медведица же Ивану-царевичу говорила: «Не бей меня, царевич, потому что я тебе впредь пригожусь, а лучше поешь какой-нибудь травы, а тебе уже немного идти остается». Царевич отошел от медведицы прочь и оставил ее безвредну, пошел далее в свой путь, а медведица побежала. И как шел долгое время, то увидел сидящего близ себя сокола; царевич, подняв камень, хотел его убить, но сокол говорил ему, чтоб он его не трогал, обещаясь услужить ему за то. Царевич думал сам себе: «Когда я уже терпел голод долгое время, а малое потерплю». Тогда сокол ему сказал: «Когда будешь Иван-царевич подходить ко дворцу Бабы-Яги, то за десять верст будет огненная река и через нее мост, и тебе непременно надобно идти будет по тому мосту; и станет тебя опалять происходящий от той реки огонь, а как ты имеешь при себе щит, которым и можешь укрыться от сего пламя, и тебе ничто не может вредить». После того сокол полетел на воздух, а царевич продолжал путь свой далее.

Итак, пришедши к той пламенной реке и прикрыв себя тем щитом, перешел мост и не чувствовал пламя. После того вскоре приблизился он к тому дворцу, где жила Баба-Яга, и увидел царевич, что кругом дворца обведена была железная рогатка. Иван-царевич, подошед, откинул рогатку, взошел во дворец, и увидела его Баба-Яга, приняла его ласково, потом спросила

Ивана-царевича, зачем он пришел. Царевич сказал ей весьма учтиво: «Милостивая государыня, я пришел к вам пасти ваше стадо». Баба-Яга сказала: «Я с охотою тебя приму, только ежели хотя одной не будет кобылицы в моем стаде, то будешь лишен жизни». Иван-царевич на оное согласился, и на другой день Баба-Яга вывела из конюшни пятьдесят кобылиц и одного жеребца, отдала ему на руки. И как Иван-царевич отворотил ворота, то все кобылицы побежали в разные стороны и ушли из виду. Царевич, ходя по полю, искал и кричал, но ниже одной кобылицы не нашел, то весьма испугался и думал, что уже, конечно, лишен будет жизни. В сих мыслях лег он на траву и уснул. Потом услышал, что его очень больно укусило, почему проснувшись, увидел с великою радостию, что его был табун цел и на всякой кобылице премножество было пчел. Иван-царевич встал и увидел пчелиную матку, которая ему говорила, что она службу свою сослужила. Царевич, поблагодаря ее, погнал свой табун, а она полетела назад.

И как Иван-царевич пригнал всех кобылиц, и отдал Бабе-Яге, а на другой день погнал опять все стадо в поле, и кобылицы все разбежались по-прежнему в разные стороны. Царевич искал их везде и не мог найти, весьма опечалился. И как время пришло почти то, в которое надобно было гнать стадо, то вдруг видит бегущих своих кобылиц прямо к нему, а позади их бегущую и гонящую его табун ту медведицу, которую он хотел в горах убить. И как пригнала к нему она медведица его табун, то сказала царевичу, что она службу свою отслужила. Царевич, поблагодаря ее, погнал свой табун и, пригнав, отдал его Бабе-Яге.

Потом на третий день погнал опять их в поле, и кобылицы по-прежнему все разбежались. И как царевич не мог их найти, то с грусти лег отдохнуть и уснул. В то время прилетел сокол и пригнал царевичев табун, и как царевича разбудил, то с крайнею радостию увидел он, что табун его цел. Поблагодарил сокола, погнал домой. И в том табуне был один жеребец, который и говорил Ивану-царевичу, чтоб он пришел в конюшню ночью, где и получит того коня, которого он желает. Царевич, пригнав табун, отдал Бабе-Яге и, дождавшись ночи, пошел в конюшню, где увидел лежащего в яслях жеребенка, и тотчас подхватя его, побежал из дворца весьма поспешно, потому узнала о сем Баба-Яга и вскоре погналась за ним в погоню. Иван-царевич наконец прибежал к той огненной реке, и, перебежав мост, потом оборотился назад, и вынул тот платок из кармана, который ему дала Марья Маревна, махнул оным по реке, и тот мост в ту ж минуту пропал, а Баба-Яга осталась на той стороне. После чего Иван-царевич вздумал отдохнуть, потому что очень устал, и положил своего жеребенка подле себя. Но, как отдохнувши, хотел идти, то жеребенок сказал: «Постой, Иван-царевич, дай мне на этом поле три дни

погулять, а после уже поедem, и ты, верно, свое получишь». Царевич на то согласился, и жеребенок его гулял. По прошествии же трех дней царевич увидел, что из маленького жеребенка сделался прекрасный конь. И как Иван-царевич оседлал доброго своего коня, бил коня по крутым бедрам, пробивал черное мясо до белых костей; конь его осержался, от земли отделялся, подымался выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, горы и доли меж ног пропускал, а реки и заливы хвостом застилал, а маленькие ручейки и речки песком засыпал, и куда прежде приезжал в месяц, туда поспевал в день, а где проезжал день, то уже только час.

Итак, в короткое время приехал к Еракскому государству. Узнал, что короля нет, поехал прямо во дворец, а Марья Маревна, как скоро увидела Ивана-царевича, то выбежала к нему навстречу. Иван-царевич слез с своего доброго коня; ни к чему его не привязывает, никому и не приказывает, потом взошел в покои и говорил Марье Маревне, что он достал того коня, потому просил ее ехать в свое государство, на что Марья Маревна говорила, что с великою охотою. Хотела приказать, чтоб оседлали ей коня, но Иван-царевич уверял ее, что и один их отвезет. Итак, вышли из дворца и поехали. После их отъезда вскоре приехал Еракский король в свое государство и спросил, где Марья Маревна? Министры сказали, что Иван-царевич увез. Тогда послал король на конюшню спросить у своего коня, скоро ли надобно ехать в погоню? И как посланные пришли к коню и стали его спрашивать, то конь сказал, что в чем король есть, в том чтоб и поезжал. Король, услыша сие, сел поспешно на своего коня и погнался за Иваном-царевичем, и ехавши долгое время, не мог их догнать. Почему Еракский король спросил своего коня: «Для чего, любезный конь, ты не догонишь Ивана-царевича?» На что конь отвечал королю, что «хотя я и догоню, однако ты будешь изрублен на мелкие части от Ивана-царевича, ибо нет при тебе ни щита твоего, ни платка, в которых хранилась твоя непобедимость». Еракский король, не веря ему, просил только, чтобы догнал Ивана-царевича. Тогда Еракского короля конь побежал и догнал в короткое время Ивана-царевича. А как увидел царевич Еракского короля, то, вынув свой меч, изрубил его в мелкие части, а коня его взял и посадил на него Марию Маревну. Итак, оба поехали в Кипрское государство, и ехали долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехали в свое государство, и по приезде своем Иван-царевич послал уведомить своих зятьев о благополучном приезде. А в Еракском государстве велел править своему министру, и послал его туда немедленно. После чего сделал великий пир, на который званы были все министры, а для простого народа выставлены были чаны с разными

напитками; во дворце же продолжалось сие торжество целый месяц, после чего жили благополучно.